

Лу Сяо внезапно вспомнил фразу, услышанную когда-то невесть где: человек с мягким сердцем всегда будет благословлен судьбой. Его Моэр определенно должен быть таким человеком. Эти слова, всплывшие в памяти в такой момент, безо всякой причины принесли Лу Сяо некоторое утешение и рассеяли часть тревог.

Жун Чжиянь, следовавший позади них, пожалел о своем решении. Зачем ему было смотреть на эти трогательные сцены, к которым он не имел ровным счетом никакого отношения? Уж лучше бы он разглядывал ту многоножку толщиной в ладонь.

Получив от Хань Шу карту расположения селений в Наньцзяне, Лу Сяо начал готовиться к отбытию. Се Мо, хоть и испытывал беспокойство, не стал его останавливать. За те несколько дней пути от Цзяннани до здешних мест, а также за два дня, проведенных в Секте Пустой Долины, Се Мо успел понять, как сильно его шисюн жаждет найти хоть какие-то зацепки.

Поэтому Се Мо лишь произнес:

— Я отправлюсь с тобой. В прошлый раз Мошан соприкасался с кровью того человека. Если в Наньцзяне действительно есть кто-то подобный, возможно, оно сможет это почувствовать.

Лу Сяо кивнул. Раз уж он позволил ему приехать, то понимал, что препятствовать этому еще сильнее не выйдет. попрощавшись с Хань Шу и Жун Чжиянем, они спустились с горы. На этот раз Лу Сяо даже не пришлось подгонять Се Мо — тот самостоятельно призвал Мошана. Ему вовсе не хотелось идти пешком по земле, из которой в любую секунду могли выползти ядовитые насекомые, многоножки или змеи.

От одной мысли об этом становилось не по себе.

Они направились напрямик к отдаленной, отсталой и древней деревне в Наньцзяне. Подобных мест в Наньцзяне было немало, но Лу Сяо выбрал самое малонаселенное. Как только они вошли, то сразу ощутили тяжелую печать старины, лежащую на этой деревне. Куда бы они ни бросили взгляд, везде были лишь старики, женщины и дети — ни одного взрослого мужчины среди них не было. Появление чужаков тут же привлекло всеобщее внимание. Порой чем глубже в глуши находится деревня, тем более косными и упрямыми оказываются ее жители, и эта деревня не стала исключением.

Не успели они пройти и нескольких шагов, как к ним приблизилась пожилая женщина с корзиной. На ее лице не было доброй улыбки — лишь суровость и настороженность.

— Мы не принимаем чужаков в нашей деревне, — отрезала она.

Се Мо шагнул вперед. Его глаза слегка сузились, а уголки губ тронула улыбка. В конце концов, Се Мо был человеком с высоким уровнем культивации и прекрасной внешностью, которого все почтительно называли Мо-гунцзы. Разве могла пожилая женщина из такой обветшалой деревушки устоять перед его обаянием? Тем более что Се Мо придал своему лицу самое доброжелательное выражение:

— Достопочтенная, мы с моим шисюном преследуем беглого ученика нашей секты. След привел нас сюда, но дальше оборвался. Мы вовсе не хотим доставлять вам неудобств, просто хотели бы попросить чашу воды, а испив ее, сразу же уйдем. Средневековая женщина с суровым и зловещим выражением лица, стоявшая напротив, действительно заметно смягчилась. Хотя до той доброжелательности, с какой улыбался Се Мо, ей было далеко, по крайней мере, во взгляде больше не читалось прежней враждебности. Тем не менее она оста непреклонна:

— Чужаков в нашу деревню пускать нельзя, но я могу вынести вам две плошки воды сюда.

Се Мо тут же поблагодарил её:

— Спасибо вам, матушка, вы просто ангел во плоти!

Главной причиной перемены было то, что оба путника выглядели прекрасно, а их одежды из золотистого шёлка, стянутые на талии поясами из белой узорчатой парчи, внушали этой женщине мысли о благородстве и честности — они совершенно не походили на злоумышленников, замышляющих недоброе. И всё же бдительности она не теряла, добавив в поданную воду порошок.

Оба так и остались стоять на месте, разглядывая друг друга. Если подумать, это поселение едва ли насчитывало два десятка дворов. Дома каждого хозяина отличались единым экзотическим стилем, который казался ещё более зловещим, чем всё, доводилось видеть в Секте Сюаньсу. Даже сейчас, когда солнце стояло в самом зените, а перед аккуратным рядом домов раскинулась гладь озера, искрящаяся на свету, эта жутковатая атмосфера ничуть не рассеялась. Но внимание Се Мо и Лу Сяо одновременно привлекла девушка, сидевшая в одиночестве у самой кромки озера. Она обхватила колени руками, прижимая их к груди, и оба мужчины отчетливо увидели, как мелко и непрерывно дрожат её пальцы, а лицо приобрело пугающе мертвенный оттенок. В ярких лучах солнца Се Мо мог разглядеть даже капли пота, выступившие на её лбу.

Сейчас стояло не самое жаркое время года, так что даже под полуденным солнцем такая жара была невозможна. К тому же, она сидела у воды, где должно было быть прохладнее, чем там, где стояли они сами, так что её дрожь явно была вызвана не холодом.

Се Мо и Лу Сяо переглянулись — было очевидно, что девушка терпит невыносимую боль.

Солнце заливало гладь озера, и солнечные блики, словно россыпь звезд, непрерывно плясали на воде. Даже при беглом взгляде на профиль этой девушки становилось понятно, что она куда красивее остальных жителей деревни. Вот только одежда на ней, хоть и была такой же, как у всех, выглядела гораздо более темной и поблекшей.

Разглядеть её получше они не успели: женщина средних лет, уходившая за водой, уже вернулась с двумя чашами в руках. Заметив, куда устремлены взгляды мужчин, она с удвоенной настороженностью заступила дорогу, загораживая собой девушку.

— Вода. Возьмите, — буркнула она. Се Мо шагнул вперёд и взял чашку первым. Кончик его

языка коснулся воды, и он в тот же миг понял, что что-то не так. Опрокинув чашку, он залпом выпил всю воду до дна, а затем тут же выхватил вторую чашку из рук Лу Сяо.

— Старший брат, я ужасно хочу пить, позволь мне выпить и эту тоже.

Се Мо не дал Лу Сяо и секунды на раздумья: перехватив чашку, он одним махом осушил её до конца, а затем с улыбкой протянул чашку обратно:

— Спасибо за воду, а теперь мы вынуждены откланяться.

Се Мо схватил Лу Сяо за руку и, развернувшись, поспешил прочь. Пальцами свободной руки он прямо на ладони Лу Сяо вывел иероглиф яд. В глазах Лу Сяо мелькнул холод, и он тихо спросил:

— В чём дело?

Се Мо покачал головой, продолжая уверенно вести его вперёд. Отойдя на довольно приличное расстояние, он наконец тихонько проговорил:

— С водой что-то не так.

— Если с ней что-то не так, зачем ты выпил обе чашки? — Лу Сяо нахмурился, глядя на Се Мо.
— Как ты себя чувствуешь? Есть ли хоть какое-то недомогание?

Се Мо улыбнулся, и под ласковыми лучами солнца эта улыбка показалась ослепительно яркой:

— Старший брат, ты и вправду считаешь меня глупцом? Раз я понял, что вода подозрительная, стал бы я по-настоящему пить её? Обычный фокус.

Се Мо приподнял рукав — тот промок настолько, что с него капала вода.

Лишь после этого Лу Сяо слегка расслабился:

— Зачем было забирать мою чашку?

— Да потому что я боялся, что ты, не умея приспосабливаться к обстоятельствам, по простоте душевной выпьешь всё до капли.

Пока дело касается того, чтобы не вызывать подозрений, ты ведь мастер на подобные подвиги.

Лу Сяо заметил:

— Ты владеешь фокусами с иллюзиями, неужели я не смог бы?

— Старший брат, тебе обязательно нужно, чтобы я перечислял всё по порядку, сколько раз ты уже так поступал, пока ты наконец не утомимся? — фыркнул Се Мо. — Ты уже привык действовать подобным образом, разве смог бы ты кривить душой и притворяться?

— Ради сохранения жизни — смог бы, — холодно ответил Лу Сяо. Его жизнь никогда не принадлежала только ему одному, он просто не мог позволить себе потерять бдительность. Но то, как Се Мо так прямолинейно отобрал у него эту чашку, вызвало в сердце Лу Сяо сладковато-трепетное чувство — в нём смешались и трогательная забота, и тревога. — Больше смей так не делать, я сам буду осторожен.

Се Мо улыбнулся, и в его глазах заиграли переливы света:

— Старший брат, разве я не говорил: ты защищаешь простолюдинов, а я защищаю тебя.

Лу Сяо замер, глядя на Се Мо:

— Пусть с мелочами так и быть, но если столкновение будет серьёзным, больше не смей поступать подобным образом.

— Хорошо-хорошо, — соврал Се Мо со смешком. — Старший брат, судя по её виду, той девушке должно быть очень больно.

Лу Сяо кивнул.

— Так когда мы проскользнем внутрь, чтобы взглянуть? — поинтересовался Се Мо. И дело было вовсе не в его жалости к женской красоте — эта деревня казалась донельзя странной, причём настолько причудливым образом, что он ещё никогда не видел, чтобы маскировать свою странность настолько нагло. Неужели они и впрямь боялись, что никто не догадается об их странностях? Или же за этим скрывалось что-то ещё?

— Сперва вернемся назад, — произнёс Лу Сяо.

— Старший брат, к чему возвращаться так скоро? Пейзажи здесь просто прекрасные, давай найдём местечко и полюбуемся ими?

Се Мо то шагал, то останавливался, озираясь по сторонам то в одну, то в другую сторону, и всё вокруг казалось ему диковинным, словно он отроду ничего подобного не видел.

— Пусть Хань Шу сначала осмотрит, что за яд попал на твоё тело, а выходить на прогулку будешь потом, когда вернёмся.

Ядом это назвать — значит сильно польстить, скорее уж какое-то снотворное. Впрочем, раз старший брат говорит, что нужно показаться главе Хань, давай вернёмся и покажемся.

Лу Сяо бросил на Се Мо взгляд: казалось, сегодня тот впервые за долгое время решил послушаться беспрекословно.

Се Мо протянул насквозь промокший рукав прямо перед Хань Шу:

— Глава Хань, у вас тут и правда всё просто и без затей: не желаете принимать гостей — так просто возьмёте и насыпьте в чашку отравы.

Хань Шу принялся к рукаву Се Мо, а двое стоявших рядом с ним человека с совершенно разными выражениями лиц наблюдали за их действиями.

Жун Чжиянь, глядя на эту сцену, отчего-то чувствовал, что здесь что-то не так:

— Брат Мо, неужели нельзя было просто снять одежду и показать её главе Хань, обязательно нужно вот так... вот так...

— И как же вот так? — Се Мо бросил на него косой взгляд, в котором читалась сплошная усмешка. — Брат Янь, неужели ты...

Жун Чжиянь без тени смущения закатил глаза на Се Мо, а затем перевёл взгляд на стоявшего рядом Лу Сяо:

— Глава Лу...

— Снимай, — сказал Лу Сяо.

Улыбка на лице Се Мо ещё не успела исчезнуть, а услышав это, он засиял ещё лучезарнее:

— Снимаю, сию минуту снимаю.

— Снимать не нужно. Это порошок, истолчённый из тел особых червей гу, — произнёс Хань Шу.

— Глава Хань, вы уверены, что мне не нужно раздеваться, чтобы вы взглянули получше? Мне кажется, в первый раз вы разглядели неважно, может, я всё-таки сниму одежду, а вы хорошенько посмотрите?

— Это порошок из гу, способный лишить человека памяти, — Хань Шу в упор посмотрел на Се Мо. — Сколько ты выпил?

Се Мо осёкся на середине движения, когда собирался расстегнуть одежду:

— Кончик языка только коснулся. Есть противоядие?

— Нет.

— Вы — глава Сектя Сюаньсу, и у вас нет противоядия от порошка гу из какой-то жалкой деревушки? — Жун Чжиянь счёл это невероятным, вытащил золотую нить, обмотал её вокруг запястья Се Мо и сосредоточенно принялся проверять пульс.

Хань Шу холодно усмехнулся, глядя на Жун Чжияня:

— Ну как, глава долины Жун, нашёл что-нибудь необычное?

Прекрасное лицо Жун Чжияня слегка сморщилось, он посмотрел на Се Мо:

— С тобой всё в порядке?

Хань Шу издал холодный смешок.

— Что происходит? — Лу Сяо посмотрел на Хань Шу. — Прошу главу Хань объяснить.

— Это как-то связано с тем семенем? — опередив всех, задал вопрос Жун Чжиянь. Так значит, получается, теперь мне никакие яды не страшны? — Се Мо поправил одежду, высушил влажные рукава и с несерьёзным видом произнес это вслух.

Может, дело лишь в том, что ты едва коснулся их кончиком языка, — холодно осадил его Хань Шу, вылив на него ушат ледяной воды. — Или хочешь, чтобы та многоножка снаружи вползла внутрь и укусила тебя для пробы?

Се Мо усмехнулся: Не стоит тратить ваших многоножек, обойдемся без этого. У нас со старшим братом еще есть дела, до встречи.

Этот Хань Шу действительно не вызывает симпатии. Интересно, как Жун Чжиянь его терпит?

— Се Мо, подложив руки под голову, лежал на крыше одного из домов. Греться на теплом солнышке было так приятно, что не хотелось делать ровным счетом ничего. — Старший брат, приляг и ты на минутку, правда, очень комфортно.

Есть ли какие-то изменения с тем семенем? — Лу Сяо сидел рядом с Се Мо. Его затащили сюда силой; с тех пор как он стал взрослым, Лу Сяо ни разу не позволял себе такой праздности, как валяние на крыше под солнцем.

Раз я такой бодрый, бегаю и прыгаю, то какие могут быть проблемы? — Се Мо жевал травинку, неизвестно где раздобытую. — Старший брат, после того как разберемся с этим делом о Червях гу, мы ведь сможем вернуться на Гору Цюншань? Мы спустились всего несколько дней назад, а я уже ужасно скучаю.

Ты можешь вернуться хоть сейчас, — Лу Сяо повернул голову и посмотрел на Се Мо, который слегка прищурился. В лучах золотого солнца лицо Се Мо сияло, а ленивое выражение делало его настолько притягательным, что взгляд невозможно было оторвать. — Думаю, глава долины Жун с радостью составит тебе компанию.

Даже не проси, — Се Мо прикусил травинку. — Если уж возвращаться, то только вместе с тобой, старший брат. — Он внезапно открыл глаза, и солнечный свет, отразившись в них, ударил прямо в лицо Лу Сяо, заставив того слегка сощуриться.

Это дело оказалось сложнее, чем я предполагал, и за короткий срок полностью во всем разобраться не выйдет, — Лу Сяо отвел взгляд: слишком уж ослепительно прекрасным было лицо Се Мо, на которое он был не в силах смотреть.

Тогда я побуду с тобой, — лениво отозвался Се Мо. — Мо-гунцзы, обладающий вторым по силе уровнем культивации в Поднебесной, обязан хоть что-то делать, иначе этот титул не оправдать.

Глава Лу, Брат Жун, спускайтесь скорее, беда! — Жун Чжиянь, с трудом отыскав их, во все горло заорал, стоя внизу. Прекрасное настроение Се Мо было испорчено этим криком. Он лениво присел и посмотрел на Жун Чжияня: Брат Жун, это же Секта Сюаньсу. Раз что-то случилось, почему ты ищешь нас, а не главу Хань?

Видя, что старший брат уже спустился, Се Мо пришлось, порхая, последовать за ним.

Я с таким трудом нашел место, где можно погреться на солнце, неужели ты не мог не мешать нам? А? — Се Мо с силой похлопал Жун Чжияня по плечу. — Ты хоть знаешь, что влезать не в свои дела на чужой территории чревато проблемами?

Жун Чжиянь не стал тратить время на пререкания с Се Мо, он сразу повернулся к Лу Сяо: Глава Лу, ученики Секты Сюаньсу обнаружили нескольких женщин, чьи тела были изуродованы самым странным образом.

Лу Сяо слегка нахмурился, в душе у него уже зародилось нехорошее предчувствие. Се Мо тоже перестал шутить. Они вместе направились в главный зал. На нескольких носилках лежали женщины, и, увидев их нежно-зеленые шелковые одеяния, Се Мо обменялся взглядом с Лу Сяо — это были пропавшие ученицы Секты Яньмэн.

Их всех... нижняя часть тел, включая ноги, была обуглена, — лицо Жун Чжияня исказилось от сострадания, в котором сквозила нескрываемая ярость. — Твари!

Хань Шу к тому моменту созвал всех учеников-мужчин, никого из ближайших доверенных лиц рядом не было. Глава Лу, побеспокою вас насчет отправки письма в Секту Яньмэн, а этих женщин пока сохраните в ледяных гробах. Что до дальнейшего, глава Лу, помогите мне как следует осмотреть мой Наньцзян.

После того как обнаружили пропавших учениц Секты Яньмэн, Хань Шу позвал Лу Сяо в кабинет. Се Мо поначалу хотел пойти с ними, но потом вспомнил, что у него еще осталось одно дело, поэтому развернулся и потянул за собой Жун Чжияня.

Брат Жун, пойдем со мной, проверим одного пациента. — Се Мо притащил Жун Чжияня в ту самую деревню, где они были с Лу Сяо днем. Погода, такая приятная днем, к ночи испортилась: небо заволокло такими густыми тучами, что не было видно ни одной звезды. — В такую темную и ветреную ночь, если ничего не произойдет, это будет просто неуважением к столь жуткой атмосфере, не находишь?

Можешь ты заткнуть свой каркающий рот? — прошептал Жун Чжиянь. — Если тебя снова поймут, отделаться чашей порошка для потери памяти не выйдет, в ход пойдет яд, убивающий с одного касания.

Но ведь у меня есть ты — мастер по изготовлению противоядий, чего бояться? — Се Мо подавил смешок. Они обходили дом за домом. Он помнил, где жила та женщина средних лет, и специально обошел ее стороной. Остальные дома проверили, но той девушки нигде не было. Неужели она была дочерью той самой женщины?

Се Мо снова прыгнул в дворик женщины вместе с Жун Чжиянем. В маленьком дворе вся структура дома была как на ладони: две комнаты. Се Мо похлопал Жун Чжияня по плечу и указал на ту, что поменьше, потому что уже расслышал доносящиеся оттуда мучительные стоны. А Се Мо тем временем направился к тому дому, что побольше. Кончиком пальца он щелкнул, пустив крошечный камешек, и вырубил женщину, а затем камешек отлетел по диагонали — как раз туда, где некто собирался выпрыгнуть из окна.

Се Мо отчетливо расслышал сдавленный, с трудом подавленный стон. Заложив руки за спину, он наблюдал, как человек из комнаты вылетает за дверь. Тот остановился, заметив у входа Се Мо. Оба помещения сообщались между собой, а окна выходили во внутренний двор, так что бежать через проем или через дверь — разницы не было никакой.

Се Мо стоял и ждал, пока беглец покажется на глаза. Во дворе царил непроглядная тьма, и Се

Мо с трудом различал лишь смутные очертания фигуры, не говоря уже о лице; единственное, в чем он был уверен — перед ним мужчина.

Се Мо преградил ему путь. Мужчина попытался скрыться, но куда бы он ни бросал взгляд, в какую бы сторону ни собирался броситься, он чувствовал, что невидимое давящее усилие не позволяет ему сделать и шагу.

— В этой деревне нет ни единого мужчины, кто же ты такой? — непринужденно глядя на мужчину, которого собственный взгляд Се Мо пригвоздил к месту, произнес он. — Если скажешь правду, я, пожалуй, тайком отпущу тебя.

Се Мо особо выделил голосом слово «тайком», а затем прислушался к тому, что происходило за стенами: отчаянно приглушенные стоны утихли.

Се Мо медленно, шаг за шагом, двинулся вперед, а мужчина — шаг за шагом отступал назад.

— Чего ты пятишься? Лучше открой рот да расскажи: заявившись посреди ночи в дом порядочной женщины, что ты замышлял?

Продолжая говорить, Се Мо наступал, и противник уже отступил в комнату. Протянув руку, он попытался ухватиться за косяк, чтобы захлопнуть створки, но Се Мо взмахнул рукавом, и деревянные двери с глухим стуком распахнулись в обе стороны. Все произошло мгновенно и бесшумно, даже сами двери ничуть не пострадали.

Мужчина слегка запаниковал:

— Ты кто такой? Я в собственный дом возвращаюсь, тебе-то какое дело?

Тот пытался казаться грозным, но голос его неестественно срывался.

— И возвращаешься в собственный дом столь тайком? — Се Мо продолжал наступать, однако отступать мужчине было уже некуда. — Я же сказал: если честно расскажешь, зачем пришел, я позволю тебе уйти. Не бойся, я держу слово.

Се Мо уже привык к окружающей темноте и теперь отчетливо видел и черты лица мужчины, и его одежды.

Судя по твоему наряду, ты не здешний, из этой деревни.

Се Мо заметил, что мужчина чрезмерно встревожен. Изначально он думал, что они просто случайно стали свидетелями какой-то непристойной тайны, но теперь все выглядело совершенно иначе.

Внезапно заметив краем глаза едва уловимое движение рук мужчины, Се Мо слегка качнулся в сторону, пропуская мимо себя какую-то летящую вещь, после чего стремительно бросился вперед и без труда перехватил того за горло.

Обернувшись, он бросил взгляд на предмет, который только что метнули в него. Се Мо прежде не видел ничего подобного, но вряд ли это было что-то иное, кроме ядовитых червей гу или скрытого оружия. Впрочем, относиться к этому легкомысленно он не стал:

— Что это?

Услышав шум, Жун Чжиянь уже вышел из соседней комнаты:

— Брат Мо?

Се Мо кивнул. Он разжал пальцы, отпуская пленника, и одновременно запечатал мужчине голос и повредил обе руки. В тот же миг лицо бедняги исказилось от боли.

— Как у тебя? — глядя на мужчину, спросил Се Мо, но обращаться это к Жун Чжияню.

— Та девушка возвращает гу в собственном теле, — тихо произнес Жун Чжиянь.

— И что в этом особенного? — поинтересовался Се Мо. В Секте Сюаньсу хватало тех, кто вынашивал гу внутри себя, да и сам Хань Шу практиковал подобное, так что для Наньцзяна это не казалось чем-то из ряда вон выходящим. — Кстати, взгляни-ка, что там на земле валяется.

— В чем дело? — Жун Чжиянь подошел, присел на корточки и поднял с пола оброненный предмет. — Всего лишь червь гу, разве что ядовитый.

— Больше ничего необычного?

— Чтобы узнать наверняка, придется взять его с собой и показать Хань Шу.

Посторонних рядом не было, и Жун Чжиянь даже не утруждал себя напускной почтительностью, называя главу Хань по имени. Достав небольшой бамбуковый тубус, который всегда носил с собой, он спрятал туда червей гу, поднялся и продолжил прерванный разговор:

— Вынашивать гу в собственном теле здесь обычное дело, но эта девчонка возвращает смертоносную тварь. Когда червь созреет, ее жизнь оборвется, и срок этот уже совсем близок.

Из-за крошечной тьмы вокруг Жун Чжиянь невольно понизил голос, но в комнате его прекрасно было слышно, а уж распростертый на полу мужчина и вовсе уловил каждое слово.

Се Мо отчетливо заметил, как в глазах пленника мелькнул страх.

Се Мо подошел ближе и слегка пнул человека на полу ногой:

— Имеет это дело к тебе какое-то отношение или нет?

Жун Чжиянь: «.....»

Жун Чжиянь: «Ты же лишил его голоса, чего ты хочешь, чтобы он сказал?»

Се Мо бросил на Жун Чжияня косой взгляд: «Только ты один всё знаешь? А я, по-твоему, нет?»

Жун Чжиянь закатил глаза к потолку: «Ладно уж, раз сам поймал этого человека, сам с ним и разбирайся».

<http://bllate.org/book/22338/2340295>